

БЕСТСЕЛЛЕР THE NEW YORK TIMES

Они всегда смеялись надо мной

*Как детские обиды
перерастают в жестокость*

Джоди
Бланко



В мире
продано
400 000
экземпляров



БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Young story. Книги, которые тебя понимают

Джоди Бланко

Они всегда смеялись надо мной. Как детские обиды перерастают в жестокость

«ЭКСМО»

2010, 2003

УДК 159.92
ББК 88.2

Бланко Д.

Они всегда смеялись надо мной. Как детские обиды перерастают в жестокость / Д. Бланко — «Эксмо», 2010, 2003 — (Young story. Книжки, которые тебя понимают)

ISBN 978-5-04-165791-8

В начальной школе Джоди Бланко была популярной: все одноклассники хотели попасть к ней на день рождения, сесть рядом, делились своими секретами. Но чтобы поддерживать такую репутацию нужно было пойти на сделку с совестью. Этого Джоди сделать не могла. Любимые туфли, плавающие в унитазе, жеванные бумажные шарики в волосах, побои и, самое страшное, клеймо изгоя стали ее новой реальностью. Она оставалась один на один со своей болью, пока все вокруг говорили: «Дети есть дети!» — и советовали быть «выше этого». Ей потребовалось двадцать лет, чтобы отпустить свое прошлое и подарить миру историю, которая стала бестселлером. Сейчас Джоди – ведущий специалист в области школьного буллинга, а эту книгу многие называют «библией антибуллинга». Она обязательна к прочтению в сотнях средних и старших школ и многих университетах США. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 159.92

ББК 88.2

ISBN 978-5-04-165791-8

© Бланко Д., 2010, 2003

© Эксмо, 2010, 2003

Содержание

Письмо к читателю	6
Благодарности	11
Глава 1	13
Глава 2	15
Глава 3	21
Глава 4	31
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Джоди Бланко

Они всегда смеялись надо мной : как детские обиды перерастают в жестокость

Jodee Blanco

Please Stop Laughing at Me:

One woman's inspirational story

Copyright © 2010, 2003 by Jodee Blanco. Published by permission of ADAMS MEDIA, an imprint of Simon & Schuster, INC. (USA) via Alexander Korzhenevski Agency (Russia).



© Новикова Т.О., перевод на русский язык, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Письмо к читателю

Если вы читаете эту книгу, то, скорее всего, столкнулись со школьным буллингом. Школьник ли вы, ставший жертвой преследования, родитель, который волнуется за своих детей, учитель, которого тревожит обстановка в классе, или взрослый человек, переживший буллинг в детстве или юности и не способный забыть об этом, знайте: вы не одиноки. В мире миллионы таких, как вы, и всех волнует один и тот же вопрос – как это пережить? Я точно знаю ответ на него, потому что сама – одна из таких людей. Именно поэтому я решила написать книгу, которую вы держите в руках.

С пятого класса и до окончания школы я была той, с кем никто не хотел дружить. Я спасала сверчков, а большинство моих одноклассников устраивали соревнования, кто быстрее раздавит больше всех жуков. Я предпочитала писать стихи, а не играть в мяч или сплетничать с соседкой в домике на дереве. Я всегда защищала слабых, даже если для этого приходилось идти против всех. У меня было больше общего со взрослыми, чем с ровесниками. За дружбу я отдала бы все на свете, кроме собственной души, а похоже, именно этой цены от меня и ждали. В школе я пережила всевозможные унижения – меня дразнили, подкалывали, я становилась жертвой жестоких и изощренных розыгрышей. Случалось и физическое насилие. Спустя много лет, когда меня спрашивали, что причиняло мне самую сильную боль, я отвечала, что большее всего было то, что никто не хотел принять мою любовь и дружбу. От этого я страдала больше, чем от того, что сама не получала ни от кого ни любви, ни дружбы. Со временем яд этих чувств проник в душу и отравил ее. Прошло много лет, прежде чем я начала исцеляться.

Когда я писала эту книгу, у меня и мысли не было, что она станет бестселлером, не говоря уже о том, что положит начало целому движению и откроет для меня карьеру борца с буллингом и популярного оратора по этой теме.

Если бы в тот момент, когда я села за компьютер и начала разбираться со своими воспоминаниями, пытаясь изложить их на этих страницах, кто-нибудь сказал мне нечто подобное, я ответила бы: «Да вы с ума сошли! Такого быть не может!» Мне казалось, что когда я допишу книгу, то потрачу пару недель, чтобы пристроить ее куда-нибудь, а потом эта страница моей жизни будет закрыта. Я ошибалась.

На мое решение публично рассказать о своей сложной юности повлияли многие факторы, но главным катализатором стал расстрел в школе «Колумбайн»¹. Я смотрела выпуск новостей на CNN в прямом эфире, слушала, как «эксперты» высказывают одно пустое мнение за другим, и думала: «Америка не понимает! Все это не имеет никакого отношения к доступности оружия!» Стыдно признаться, но я сочувствовала двум стрелкам – равно как и их жертвам. Я понимала, что эти мальчишки совершили ужасный грех, но все равно переживала за них. Тогда я осознала, что не разобралась со своим прошлым. Если я не сделаю этого, то навсегда останусь его заложницей. Моя книга начиналась как попытка освобождения. Я попыталась придать своей мучительной юности смысл. Мне хотелось, чтобы дети, подвергающиеся буллингу, знали, что они не одиноки, что есть взрослые, прошедшие через то же самое. И если я сумела это пережить, то и они тоже смогут. Мне хотелось, чтобы те, кто травит сверстников, поняли: это не шутки, они портят своим жертвам всю жизнь. Мне хотелось, чтобы родители и учителя осознали проблему с точки зрения жертв буллинга.

Дорога оказалась долгой и непростой. Хотя я благодарна за возможность продолжать крестовый поход против травли, но быть «голосом преследуемых школьников Америки» – очень

¹ Резонансное преступление, произошедшее в школе «Колумбайн» в 1999 году. Двое учеников старших классов напали на других учеников и своих учителей. Они были вооружены самодельными взрывными устройствами и стрелковым оружием. Нападавшие убили 13 человек и ранили 23. Затем они застрелились сами (*прим. ред*).

большая ответственность. Однако я стараюсь с ней справляться. Бывают моменты, когда опускаются руки и мне хочется сдаться. Думаю, с вами такое тоже бывает. Если вы плачете из-за вечеринки, на которую вас не пригласили, если вы устали от того, что ваша дочь каждый день выходит из школьного автобуса в слезах, если вам страшно идти на урок, который вы должны вести, если вы, как и я, безумно боитесь пойти на встречу выпускников – вам нужно продолжать жить и помнить, что надежда есть всегда. Я верю, что мои мемуары помогут вам найти в себе смелость и использовать ее для обретения этой надежды.

Большинство авторов скажут, что у каждой книги есть собственная история – события, которые привели к публикации, зачастую бывают столь же драматичными, как и повествование. Моя книга – не исключение. Казалось, что этот проект обречен с самого начала.

«Этого не может быть», – твердила я себе, получив письма от всех крупных издателей Нью-Йорка. Все писали одно и то же: «Джоди, ваша история очень интересна, но буллинг – это не проблема. Честно говоря, мы не видим реальной читательской аудитории для вашей книги». Ирония моей ситуации была поразительной. Я написала книгу о том, как меня отвергали сверстники, и теперь они же отказывались и от моей книги! Большинство издателей хорошо меня знали – я пятнадцать лет успешно работала в книжном бизнесе, занималась рекламой и проводила кампании, которые превращали их издания в бестселлеры. Редакторы всегда полагались на мое чутье. Так почему же они отвергли меня сейчас, когда я уже доказала им свое умение определять победителя? Меня словно по голове ударили.

Тогда я затравила издателя из Новой Англии, чтобы он выпустил в свет мою книгу... Ну, скажем по-другому: я проявила настойчивость.

Моя старая подруга из Publishers Weekly, к которой я обратилась за помощью, предложила мне отправить книгу в независимое издательство Adams Media и дала телефон директора. Я позвонила Бобу Адамсу и оставила на его голосовой почте бесстрастное сообщение: «Вы должны встретиться со мной». Я точно знала: если мне удастся с ним встретиться, то я сумею убедить его издать мою книгу. У бедняги просто не было шансов. Он перезвонил мне через сорок пять минут. В этот момент я уже ехала на север по трассе 95 из Нью-Йорка к Бостону и через три часа вошла в его кабинет. Мы отправились пообедать, и, когда нам подали кофе, он уже предложил мне контракт. Мой отец оказался прав: когда речь идет о чем-то важном, нужно начинать с самого верха. Я буду вечно благодарна Бобу Адамсу.

В день выхода этой книги президент Джордж Буш объявил войну Ираку, и все мои выступления в СМИ, в том числе и запланированный блок в программе «Доброе утро, Америка», отменились. Помню, как я думала, что это несправедливо. Я столько пережила, чтобы добиться издания книги, а теперь о ней никто не узнает. Я готова была сдаться, но тут случилось чудо. Через пару дней после отмененных выступлений издателю позвонили из книжного магазина и сказали, что моя книга буквально разлетается с полок. «Наверное, автор очень удачно выступила по телевидению?» – предположили они. А потом мне позвонили из New York Times и сказали, что моя книга вошла в список бестселлеров. Ожидая обещанной рекламной кампании, менеджеры книжных магазинов выставили ее исключительно выигрышно. Кампания так и не состоялась, но сочетание успешной обложки и удачного расположения на полке в магазине способствовали ее популярности. А дальше уже пошла молва. Пожалуй, это единственный случай в истории, когда отмененное выступление в утреннем телевизионном шоу не помешало попаданию книги в список бестселлеров New York Times.

Через несколько дней я начала получать сотни электронных писем. Мне писали школьники, родители и учителя. Ко мне обращались жертвы травли всего девяти-десяти лет от роду. Они говорили, что находятся на грани самоубийства, и умоляли о помощи. Мне писали растерянные учителя, которые видели, как ученики размахивали оружием. Меня просили приехать в школу и рассказать свою историю, чтобы предотвратить катастрофу. Мне писали отчаявшиеся родители, которые ничего не могли сделать, чтобы прекратить страдания своих детей. Я

сортировала письма по категориям, выбирая самые важные и срочные. А потом я забронировала билеты на самолет, собрала чемодан и начала путешествовать по стране, чтобы ответить всем, кто ко мне обратился.

Так началась моя неустанная школьная кампания против буллинга INJIA («Это НЕ просто шутки!»). Утром я выступала перед школьниками, днем проводила семинар для учителей, вечером – для родителей и родственников, куда приглашали всех желающих. Я говорила предельно честно, ничего не скрывая. Я не выступала перед аудиторией, а вместе с ними переживала свое прошлое, обнажая душу. Я рассказывала школьникам, как буллинг портит всю жизнь человеку. Буллинг – не просто гадости, которые вы кому-то делаете. Это еще и добрые дела, которых вы не делаете. Вы оставляете одноклассника обедать в одиночестве, не выбираете его в команду, не вовлекаете в свой разговор. Такие поступки могут ранить больше физического насилия, потому что жертва начинает сомневаться не в тех, кто ее обидел, а в самой себе. И это сомнение сохраняется на всю жизнь.

Обращаясь к учителям, я рассказывала, что хорошего сделали и чего не сделали мои педагоги, когда им следовало бы поступить по-другому – об этом в детстве мечтала я, а теперь мечтают сотни школьников, подвергающихся травле. Родителям я говорила то, что кто-то должен был сказать моим, когда меня травили в школе. Перед каждым выступлением я закрывала глаза и молилась, чтобы Бог помог мне достучаться до тех, кому мои слова нужнее всего. Потом я представляла, как беру за руку всех своих слушателей и направляю их в теплую, терпимую и отважную жизнь.

Узнав мою историю, школьники часто подходили ко мне и просили о помощи. Я чувствовала, что они глубоко потрясены. Некоторые из них были жертвами травли, но подходили и те, кого я называла «элитными мучителями». Эти дети даже не понимали, что ведут себя жестоко по отношению к одноклассникам. Они просили помочь им измениться. Тогда я понимала, что мне удалось достучаться до их сердец. Если вы – школьник, то, надеюсь, когда-нибудь мне удастся встретиться с вами лично и так же повлиять на вашу школу.

Отвечив на первые просьбы о помощи, я продолжила свою работу. Я выступила в сотнях школ, обратилась к десяткам тысяч учеников, учителей и родителей во всех Соединенных Штатах. И открыла для себя много удивительного. Я всегда знала, что взрослые, которые в детстве подвергались остракизму и травле, отчаянно нуждаются в понимании и признании их детской травмы. Но знать о чем-то – одно дело, а столкнуться с этим вживую – совсем другое. Я думала, что на вечерние семинары станут приходить родители и школьники, и была поражена, увидев множество взрослых, которые подвергались травле в детские годы. У многих из них дети даже не учились в школе. Таких людей было очень много. Некоторые приезжали издалека, чтобы побывать на семинаре. Мне хотелось кинуться к каждому редактору, который отверг мою книгу, и сказать: «Вот видите! А вы говорили, что у этой книги нет читательской аудитории!»

После семинаров для учителей многие из присутствующих подходили, чтобы поговорить со мной наедине. Они рассказывали, что в школе их травили, и именно поэтому они решили стать учителями. Пережив буллинг в детстве, они захотели исправить то, что до сих пор продолжало их мучить. Кому-то это действительно помогло стать лучшим учителем, но для кого-то стало настоящим проклятием. Все учителя несут в классы свои особые дары. Если вы оказались в подобной ситуации, то, надеюсь, мне доведется встретиться и с вами тоже, и вместе мы сможем использовать ваши дары во благо учеников. В конце книги я поместила подробное описание программы INJIA для тех, кто захочет пригласить меня выступить в своей школе.

На моем пути было немало взлетов и падений. Я встречала родителей, которые не могли принять ситуации, в которой оказались их дети. Я сталкивалась с безразличными директорами школ, которые отворачивались от учеников, попавших в тяжелое положение. Я общалась с упрямыми учителями, которые не хотели меня слушать и еще больше – принимать предлага-

емые мной идеи. Я встречала учеников, до которых мне не удалось достучаться, несмотря на все мои старания.

Все это стало для меня уроком. Я совершила немало ошибок. Иногда я не проявляла должного терпения, а порой была слишком агрессивна в общении с директорами школ. Порой я переходила границы дозволенного, отстаивая интересы кого-то из учеников. Однако чаще всего я понимала, что иду нужным и важным путем. Я успешно вмешивалась в ситуации, которые грозили самоубийством или другими актами насилия, связанными с травлей. Я поддерживала напуганных, одиноких детей и помогала им открыться. Я видела, как целый класс извинялся перед одноклассником с синдромом Аспергера, которого они мучили годами. Я утешала родителей, помогала учителям. Мне удалось сделать такое, о чем я, начиная работать над этой книгой, даже и не мечтала.

Но, признаться, самая трудная часть моей работы – осознание собственных воспоминаний и голосов из прошлого. Как бы далеки ни были школьные годы, эти голоса продолжали мучить меня. Очень трудно делиться своим прошлым с тысячами незнакомцев в спортивных и актовых залах разных школ и не испытывать при этом той боли, которая заставила меня вернуться в мрачную юность. Еще труднее говорить об этом с теми, кто вряд ли мог стать героями, с моими бывшими «элитными мучителями». Не буду все рассказывать, чтобы не испортить вам впечатление от книги, скажу лишь: никогда не говори «никогда». Пока сердце и разум открыты, случиться могут самые неожиданные чудеса.

Когда моя решимость ослабевала, я находила то, что поддерживало меня на этом пути: письма, которые я продолжаю получать каждый день. От них захватывает дух. Я дорожу каждым, потому что они заставляют меня понять: я делаю важное дело и не должна прекращать свой крестовый поход против травли.

«Вы изменили мою жизнь. Я пережила травлю одноклассников в детстве, а теперь стала учителем. Вы выступали в нашей школе на этой неделе. Я с трудом сдерживала слезы и во время вашего выступления перед школьниками, и во время учительского семинара. Меня и сейчас переполняют эмоции. Я знаю, что вы делаете важное дело. Я видела своих учеников, которые раньше дразнили и игнорировали одноклассников, а после встречи с вами они приглашали их сесть рядом за обедом или на занятиях. Спасибо за вашу смелость. Вы помогли мне понять, что я не одинока».

«Ни одна другая книга не трогала меня так глубоко, как ваша. Я годами молчал, но ваша история помогла мне заговорить. Теперь я не боюсь рассказать родителям, через что мне пришлось пройти. Я рассказал обо всех унижениях и подколках, обо всех дурацких и жестоких шутках. Я рассказал, как мне приходилось прятаться в туалете, чтобы в меня не плевали и не били на переменах. И это только начало... Не могу в полной мере отблагодарить вас за то, что вы для меня сделали».

«Сегодня мой сын был на вашем выступлении. Домой он пришел очень воодушевленным. Я была так тронута его реакцией, что решила вам написать. Моего сына травил одноклассник. Я как мать предприняла немало шагов к исправлению ситуации, но именно ваше выступление вселило в него надежду, смелость и воодушевление. Я хочу, чтобы вы знали, что вам удалось изменить жизнь ребенка. Вы открыли ему целый мир. И мне тоже».

«Мне почти пятнадцать, и всю жизнь я был другим... В средней школе я пытался покончить с собой... Прочитав вашу книгу и побывав на вашем сегодняшнем выступлении, я понял, что это была ошибка. Я не одинок. Спасибо вам».

«Здравствуйте! Сегодня вы приезжали в мою школу. Ваша история изменила мою жизнь, и теперь я иначе смотрю на тех, над кем смеялся. Я стараюсь быть добрее к ним. Вы по-настоящему тронули нас, и я говорю это от всего нашего класса. Я видел, как мои друзья обсуждали ваше выступление. Вы изменили и их жизнь тоже и заставили о многом задуматься. Многие не могли удержаться от слез, слушая, что вы пережили в нашем возрасте. Ваши слова произвели на нас глубокое впечатление. Я очень рад, что встретился с вами. Мы только об этом и говорили весь день, честное слово!»

Что бы вы ни переживали прямо сейчас, это пройдет. Жизнь станет лучше. Оставайтесь мужественным и верьте в себя. Ваша уникальная и сильная личность ждет возможность показать миру, кто вы такой. Я верю в вас и знаю, что вы способны не только преодолеть все, что сегодня причиняет вам боль, но еще и помочь другим в такой же ситуации. Вы – мой герой. Больше всего на свете я хочу, чтобы, прочитав эту книгу, вы захотели стать героем для кого-то еще. Это несложно: телефонный звонок, доброе слово, приглашение, которое может перерасти в дружбу.

Тем, кто хочет знать, что произошло после вечера встречи выпускников, с которого начинается и которым заканчивается моя книга, кому интересно, как сложились мои отношения с нашим школьным сердцеедом Митчем, я советую прочитать продолжение – «Пожалуйста, перестаньте смеяться над нами... Необыкновенный квест по предотвращению буллинга в школе» (*Please Stop Laughing at Us... One Survivor's Extraordinary Quest to Prevent School Bullying* – на русском языке не издавалась). Вторая книга начинается с того, чем заканчивается первая. В ней тоже много конкретных советов и решений для учеников, учителей, родителей и тех взрослых, кто в детстве подвергался травле.

Давайте же свою руку, дорогой читатель, и мы с вами начнем возвращать себе то, что у нас забрали.

Эта книга – труд любви. Она посвящается тем, кто плакал ночами, потому что был не таким, как все. Это торжество «внутреннего изгиба» в каждом из нас. Это скромная попытка призвать к терпимости, пониманию и принятию.

А еще она посвящается Нико... *Opoi eisai, s'agapo mexri ta sinefa kai para pano.* (Где бы ты ни был, я люблю тебя всем сердцем и сильнее всех...)

И Бейли... Ты живешь в сердцах всех, кого ты изменила и с кем соприкоснулась. Я скучаю по тебе.

Благодарности

Если бы не все эти люди, то я никогда не узнала бы истинного смысла слова «парить». Я была бы никем без любви и поддержки этих людей:

Кент Кэрролл верил в меня, когда мне было это нужно больше всего на свете. Я никогда не смогу отблагодарить тебя за все, что ты сделал для меня.

Боб Адамс дал этой книге шанс. Дэвид Нуссбаум и Сара Домвиль вдохнули в меня новую энергию и показали новые возможности. Замечательная команда издательства Adams превратила процесс издания в сущее удовольствие: Карен Купер, Фил Секстон, Пола Мунье, Бет Гиссингер и, конечно же, Крис Даффи, который прошел со мной весь этот путь. Я очень люблю всех вас.

Дина, ты была моим якорем во время бури. Спасибо тебе – сейчас и всегда.

Брондо, Ширли и семья Кавальо. Только благодаря вам я сохранила рассудок – ведь я знала, что вы меня любите и находитесь всего в нескольких милях на случай, если мне что-то понадобится после целой ночи, проведенной за компьютером. Мою благодарность не выразить словами.

Змуда, спасибо за смелость... Ты – мой самый верный и дорогой друг!

Кэндис Кент, Пол Дина, Билл Линдгрэн, вы были со мной в эти долгие, ужасные, одинокие годы. Теперь мы все стали лебедями. Я вас обожаю.

Все, кто встречал меня на Санторини. Вы вдохнули в меня жизнь, и она наполняет меня с тех пор – *sas latrevo* (Я люблю вас).

Мои дорогие учителя, Хелени Мицус, сестра Роза Агата, миссис Стенсил, мистер Палмер, миссис Рудник, миссис Дудек и «Вас». Все учителя должны быть такими, как вы.

Доктор Дампц и доктор Киррин. Вы защитили меня от себя самой.

Дональд «Дит» Тейлор – ты всегда был рядом.

Мои дорогие кузены, Жанин и Том Вулет. Я бы не выжила без вас.

Ди Салинас, Мелисса Сколек и Кэти Вейнман – вы сплотили The Blanco Group во время турне. Мне повезло иметь таких коллег, как вы. А о таких друзьях можно только мечтать.

Бекки Хейм и ее семья. «Любовь» – это слишком слабое слово, чтобы описать мои чувства по отношению к вам. Я безмерно благодарна, что вы есть в моей жизни.

Дин «мистер Совершенство» Стамп. Спасибо от всей души!

Кэти Гиббонс, ты ангел, честное слово!

Джей Уай и его замечательная жена Сьюзи всегда верили в эту книгу. Вы – мой источник вдохновения.

Джон и Лоис Страчан, вы лучшие соседи в мире. Вы поддерживали меня в те редкие выходные, когда я оказывалась дома. И особая благодарность миссис Лейси и ее чудесному «танцу радости». А еще Розе и Тиму Бекварам, которые так скучают по ней. Я люблю вас сильнее, чем вам кажется.

Дэвид Атлас, Алан Кауфман и Гейл Гросс. Вы самая удивительная и талантливая команда, о какой можно только мечтать.

Джо Возняк, ты главная надежда и опора The Blanco Group.

Спасибо всей команде Ravine Design, в особенности Риду. Ваша неустанная преданность моему крестовому походу против буллинга спасла не одну жизнь.

Эйлин «Маленький генерал» Хансикер, ты поверила в меня сразу. Хотя наши жизни шли разными путями, ты оставила след в моем сердце.

Фил, я не написала бы эту книгу без твоей дружбы.

Марти Берман и Фрэнк Вейман, вы потрясающие!

Рилла, без тебя мой дом никогда не был бы домом.

Бабушки, дедушки, тетушки и кузины, эта книга появилась, потому что вы были со мной тогда... и сейчас. Я так горда, что вы – моя семья.

Мои родители, Джой и Тони Бланко. Мама, спасибо, что любила меня и всегда была рядом, когда мне было одиноко и страшно. Надеюсь, ты смотришь на меня с небес и гордишься мной. Если бы я хотя бы наполовину могла стать такой же, как ты, то наверняка добилась бы чего-нибудь в жизни.

И, наконец, мой муж, Марк «Митч» Панталео, мои чудесные приемные дочери Эмбер и Вэлери и наши пушистые члены семьи, Мистер Шэдоу и Миссис Рокси... Вы все – мое сердце.

Крохотные колкие кусочки цемента летели в меня со всех сторон. Закрыв лицо руками, я пыталась убежать, но преследователи не отставали. «Пожалуйста, прекратите», – рыдала я. Руки мои распухли, из ссадин сочилась кровь. На лице запеклись красные полосы. Я не знала, что хуже: физическая боль или эмоциональная.

Глава 1

Призраки прошлого вернулись мучить меня

Встреча выпускников

Это глупо. Почему мне страшно? Я веду себя так, словно это мой первый официальный банкет. Черт, я же устраивала приемы для глав государств. Я не только спокойно общалась и вела интересные беседы с по-настоящему важными и достойными людьми, но еще и была организатором этих мероприятий. От меня зависело, чтобы все прошло хорошо и правильно. А сегодняшний вечер не сравнить с теми.

Но я почему-то сижу в машине, взятой напрокат, на отельном паркинге в пригороде Чикаго, где прошло мое детство, и боюсь пойти на вечеринку в родном городе. Это смешно. Всего лишь встреча выпускников, здесь нечего бояться. Они больше не смогут причинить мне боль. Я добилась успеха. У меня собственная рекламная фирма. Я много путешествую и встречаюсь с известными людьми. Я работаю со знаменитыми писателями и продюсерами. Я сбегала от тех, кто травил меня в школе. Наконец-то я живу так, как мечтала всегда, с того самого дня, когда услышала песню Барри Манилоу I Made It Through the Rain, настоящий гимн гадкого утенка, превратившегося в лебедя.

Кого я пытаюсь обмануть? Я боюсь выйти из машины, потому что знаю, что в балльном зале отеля «Хилтон» меня ждут призраки прошлого, которые по-прежнему мучают меня. Когда я начинаю сомневаться в себе на работе, то слышу не свой голос. Я слышу голоса одноклассников из далекого прошлого – тех самых, что собрались сейчас в сотне футов от меня. Они смеялись надо мной и унижали меня. Они так подорвали мою самооценку, что потребовалось двадцать лет, чтобы я перестала ненавидеть себя.

Если я войду в банкетный зал, то не исчезнет ли вся уверенность, накопленная со времен старшей школы? Не превратится ли она в грязную лужу под моими ногами? Что, если моя сегодняшняя жизнь со всеми ее вызовами и признанием всего лишь притворство? Что, если запуганный подросток, каким я была когда-то, изгой, который возвращался домой в синяках и ссадинах, все еще прячется во мне? Что, если он выйдет наружу, если кто-то из популярных одноклассников посмотрит на меня с привычным презрением? А вдруг уверенность изменит мне, когда я увижу знакомые лица тех, кто причинил мне столько боли? Будет ли мне больно, если я снова превращусь в ту неуверенную девочку, которая не может смотреть в зеркало, потому что ненавидит свое отражение?

Что я с собой делаю? Я больше не подросток. Все, кто собрался сегодня на встрече выпускников, – взрослые люди, у них есть дети, работа, взрослая жизнь. Абсурдно думать, что они снова набросятся на меня. Я веду себя как невротик. Мне нужно победить мои страхи. Я не позволю воспоминаниям о травле взять меня в заложницы. Я должна выйти из машины, пройти через парковку, открыть двери и войти. Я должна всем показать, что стала изысканной женщиной, которая даже не *вспоминает* о том, что происходило в старшей школе. И уж точно не позволяет этим воспоминаниям влиять на себя.

Когда они меня увидят, то глаза вытаращат от удивления. Никто не ждет, что я приеду. Или ждет? Может быть, им любопытно посмотреть, кем стала девочка, над которой они смеялись семестр за семестром. А может быть, они вообще меня не вспоминают?

Коллега из университета Чикаго сказала мне, что главная проблема школьного буллинга – массовое отрицание. Школьники просто не понимают, что причиняемая одноклассникам боль может оставить страшные эмоциональные и психологические шрамы. Общество говорит:

«Дети всегда будут детьми». Никого не осуждают за травлю и преследование одноклассников, и такие дети даже не вспоминают, что причиняли кому-то боль. Им кажется, что они всегда были нормальными. А потом случается стрельба в школе, и все с ужасом узнают, как один подросток убил другого – или нескольких. Популярные дети порой замечают травлю, но если это не касается их самих, они не обращают никакого внимания. Понимают это только такие, как я, чьи школьные годы были адом – но всем кажется, что мы просто преувеличиваем свои страдания.

Мои руки вспотели. Голова закружилась. Я закусила губу до крови. А прическа! Они всегда смеялись над моими волосами, потому что они были слишком кудрявыми и непокорными. Сегодня волосы еще более непокорные, чем всегда. *Господи, я не могу этого сделать!* Почему я должна встречаться с призраками прошлого? *Сегодня-то* я добилась успеха.

Компания бывших одноклассников припарковалась рядом. Они увидели, что я сижу в машине. И пошли своей дорогой. Я почувствовала, что снова оказалась в старшей школе... Я вспомнила свой первый день...

Глава 2

Попытки взлететь на сломанных крыльях

Старшая школа: первый день первого года

– Ангелочек, спускайся завтракать, – крикнула снизу мама.

– Мама, я слишком нервничаю и не могу есть. Кроме того, я хочу, чтобы у меня был плоский живот. Если я позавтракаю, меня раздует. Дай мне одеться. Обещаю, я плотно пообедаю в столовой, – ответила я.

– Джоди, я знаю, ты боишься, что тебя не примут в Сэмюэлз, но на сей раз все будет по-другому. Ты найдешь друзей, которые разделят твои интересы. Это будет совершенно новый мир для тебя, дорогая, – весело отозвалась мама.

Я так надеялась, что она права. Мне так хотелось, чтобы меня приняли. «Господи, – молилась я снова и снова, – я сделаю все, что захочешь, только сделай так, чтобы одноклассники в Сэмюэлз приняли меня. Пожалуйста, сделай так, чтобы я больше не была одинокой». Я не хотела, чтобы родители ссорились из-за того, по чьей вине их четырнадцатилетняя дочь оказалась социальной неудачницей.

Последний год в средней школе был очень тяжелым. Я пыталась вписаться в коллектив, но постоянно ощущала некое силовое поле, которое, как в старых фантастических фильмах 50-х годов, отталкивало меня от сверстников. Каждый раз, когда я пыталась преодолеть невидимую стену между нами, меня отбрасывало назад. Я мечтала стать частью класса. Но чем больше я тянулась к одноклассникам, тем яростнее они меня отталкивали. Им казалось, что я отчаялась.

Теперь я не совершу прежних ошибок. Я поклялась себе, что изменюсь – я даже готова к неприятностям, если это поможет найти друзей. Сэмюэлз – школа спортивная. «Со спортом у меня не очень, но я могу записаться в драмкружок или в ораторскую команду», – уверенно твердила я себе. Прошлое осталось позади. Я больше не буду плакать ночами из-за того, что меня не пригласили на вечеринку. Я не буду расстраиваться из-за красивых парней, которые не обращают на меня внимания, и из-за секретов, которыми со мной никогда не делятся.

Мне хотелось сразу произвести хорошее впечатление, поэтому я натянула модные джинсы Vanderbilt. Они были такими узкими, что даже дышать в них было трудно. Бабушка была права, когда говорила, что красота – это боль. Мама даже купила мне розовые туфли. Господи, как же они мне нравились! Ходить в шлепанцах на шпильках было нелегко. Я дважды подвернула ногу, пока привыкала к ним дома. Но такие туфли носили все популярные девчонки. Если хочешь, чтобы тебя приняли, нужно соответствовать. Когда мама их купила, я сразу почувствовала себя красивой и взрослой. Просто босоножки без ремешков за двадцать долларов, но в них я не боялась идти в старшую школу. Мама не слишком радовалась, что ее четырнадцатилетняя дочь идет в школу в туфлях на каблуках в четыре дюйма, но она так хотела, чтобы меня приняли. Если это поможет, она купила бы мне целую кучу таких туфель.

Меня переполняли надежда и радостное предвкушение. Я еще раз посмотрела на свое отражение в зеркале и почувствовала, как прежние воспоминания отступают. Впервые за долгие годы я не боялась идти в школу.

Ярко-оранжевый школьный автобус показался из-за угла. Я обняла маму, схватила школьную сумку и кинулась к двери. Я буквально парила. «В старшей школе все будет по-другому, – твердила я себе. – У меня будут и свидания, и танцы. Меня не просто примут, – уве-

ренно шептала я про себя, заходя в автобус, – я войду в это таинственное, непонятное общество тех, кого называют популярными».

В автобусе я сразу же узнала почти половину школьников. Кто-то жил поблизости, кто-то учился со мной в средней школе. Хотя я целых четыре часа убеждала себя, что в старшей школе все будет по-другому, знакомые лица, хохоток и перешептывание мгновенно вернули меня в прошлое. Я окаменела. С пугающей ясностью я вспомнила, как относились ко мне в школьном автобусе в средней школе. Мне захотелось вернуться домой. Но я сглотнула и двинулась вперед, чтобы найти себе место.

В каждом школьном автобусе есть своя иерархия, кастовая система. Стильная верхушка – те, кто курит, приходит в класс с засосами на шее и напрашивается на неприятности к тайной зависти отличников, – занимает последние ряды. В середине усаживаются чирлидеры и спортивные звезды. Серьезные ботаники сидят впереди. Неудачники и изгои никогда не знают, где сесть. Если им повезет, они находят свободное место за водителем или справа от него.

Я шла по проходу и понимала, что, если хочу получить место, мне придется либо драться, либо выпрашивать. Ни того, ни другого мне не хотелось. Я решила воззвать к здравому смыслу. Стильная верхушка – слишком страшно. Ботаники слишком сплоченная группа. Поэтому я спросила у одной из чирлидеров, Надии, нельзя ли мне сесть рядом с ней. Она всегда относилась ко мне неплохо – правда, только когда рядом никого не было.

– Ты не видишь, что здесь уже кто-то сидит? – ответила она, оглянувшись, чтобы убедиться, что подружки слышали, что она никогда не будет общаться с тем, кто не принадлежит к их кругу.

– Нет. Здесь только твой *свитер*, – ответила я, собрав последнюю смелость.

– Лучше мой свитер, чем ты.

С этими словами Надия и ее подружки громко расхохотались. На какую-то долю секунды ее взгляд стал виноватым, но она быстро отвернулась.

В автобусе было полно народу, и у меня началась паника. Единственное свободное место осталось впереди, рядом с водителем. Мне была ненавистна мысль, что я начну первый день в старшей школе с «места неудачников». Казалось, судьба моя определилась еще до того, как я успела ступить на территорию школы. Вцепившись в свою сумку, я зашагала вперед, к социальному неприятию.

Я села на маленькое сиденье напротив водителя, миссис Саллен. Кто-то принялся дергать меня за волосы. Я знала, что стоит мне обернуться, и раздастся взрыв смеха. Поэтому я очень осторожно протянула руку и ощупала затылок, надеясь, что в волосах просто запуталась какая-то муха. Однако мои пальцы наткнулись на нечто совсем другое – жеванные бумажные шарики, жирные, истекающие слюной. Меня замутило. Ну, хотя бы камнями они в меня не кидались, как в средней школе...

Глаза мои наполнились слезами, и я даже не пыталась их скрывать. *Почему всегда так?* Я представляла первый год в старшей школе совсем иначе: капитан футбольной команды улыбается мне возле шкафчиков и просит мой телефон, популярная девочка, о которой мечтают все парни школы, подходит ко мне на перемене и спрашивает, не хочу ли я сделать уроки вместе у нее дома. Из мечтаний меня вывел резкий толчок. Автобус подъехал к школе и остановился. Ученики выходили на парковку, болтая и смеясь. Все рассказывали, как здорово провели лето, и стонали, что снова приходится браться за учебу. Я сидела как приклеенная. Как мне вписаться? В последний раз я так переживала из-за новой школы в шестом классе. Тогда я не поверила своим инстинктам, и все закончилось катастрофой. Неужели то же самое произойдет и сегодня? Может быть, мне следовало прислушаться к своим утренним страхам и убраться отсюда ко всем чертям.

– Детка, не позволяй им себя тиранить, – проворчала миссис Саллен. – Они всего лишь подростки. Когда я ловлю их за курением и отбираю сигареты, они обзывают меня бестолковой

старой вдовой. Мой муж умер от рака легких. Если эти дети хотят погубить свое здоровье, то только не в моем школьном автобусе!

– Мне так жаль, миссис Саллен, – ответила я. Мне действительно было жаль эту женщину, но успокоить меня ей не удалось.

– Все нормально, дорогая. Иди в школу. Покажи им всем, чего ты стоишь, – подбодрила она меня.

Входя в главное здание школы, я никак не могла избавиться от мыслей о миссис Саллен. Я не понимала, как можно грубить такой милой женщине. Если бы они злились, что она обломала им кайф, и называли ее старой занудой, это было бы проявлением неуважения, но не жестокостью. Но ведь она вынуждена водить автобус, чтобы свести концы с концами, а школьники даже не думают о том, что говорят ей и какую боль причиняют.

Когда я вошла в школу, инцидент в автобусе окончательно забылся. Разыскивая свой шкафчик, я поняла, что никогда прежде не видела столько симпатичных парней постарше в одном месте. Сэмюэлз буквально кипел энергией. Мимо меня пробежала группа чирлидеров в ярких сине-золотых свитерах и коротеньких юбочках. Они смеялись и флиртовали с футболистами. Парочки обнимались в коридорах. Их вздохи и смешки наполняли мое воображение мечтами о субботних свиданиях и французских поцелуях. Я слышала, как хлопают дверцы шкафчиков, как смеются и перебрасываются короткими репликами ученики в коридорах по пути в классы. Раздался пронзительный звонок на первый урок. Я буквально купалась в этих восхитительных звуках. Они казались музыкой нового начала.

Первым уроком были публичные выступления. После переключки учительница, миссис Адамс, пухлая, добрая женщина под шестьдесят, с седеющими волосами и разумным подходом к образованию, с энтузиазмом объяснила задание на утро.

– Я хотела бы, чтобы каждый из вас вышел к доске и произнес небольшую импровизированную речь на интересующую вас тему.

Ученики застонали. Миссис Адамс вызывала нас по алфавиту. Единственного ученика, фамилия которого начиналась на «А», в классе не оказалось. Мне повезло. Я всегда любила выступать публично и даже победила на конкурсе штата. А вдруг я – единственная в классе, кому это нравится? Если все пройдет хорошо, меня станут считать подлизой, и тогда шансы завести друзей здесь сведутся к нулю. Но если я выступлю плохо, то наврежу самой себе.

– Похоже, первой придется выступить Джоди Бланко, – объявила миссис Адамс.

Если отличишься в каком-то предмете, который элита класса считает «нестильным», ты пропал. Я замерла от страха. Только утром я обещала себе не повторять старых ошибок. Низкая оценка в классе публичных выступлений – невысокая цена за возможность избежать риска быть высмеянной и отвергнутой. «В конце концов, одна тройка не испортит моего будущего», – неуверенно подумала я. В долгосрочной перспективе одна плохая оценка ничего не значит. Но я не смогу выдержать целого года в качестве изгоя класса публичных выступлений. Решение было принято. Я была готова к первому испытанию.

– Какую тему ты выбрала, дорогая? – с широкой улыбкой спросила миссис Адамс. Я замялась, и она спросила: – Джоди, все в порядке? Твоя учительница из восьмого класса говорила, что ты – блестящий оратор. Разве не ты в прошлом году заняла первое место на конкурсе штата?

По классу пробежал холодный смешок. Секунды тянулись мучительно медленно. Нечего делать – выхода нет.

– Нет, миссис Адамс, все нормально, – соврала я, пытаясь справиться с комком в горле. – Моя тема: «Аутсайдер».

Об этом я думала много раз.

У меня вспотели ладони, колени подкашивались. Я молилась, чтобы в школе объявили пожарную тревогу, лишь бы все поскорее закончилось. Когда человек нервничает, боясь про-

валиться, это нормально. Когда человек боится успеха, это ненормально. Я сделала глубокий вдох, вышла к доске и начала:

– Привет! Меня зовут Джоди Бланко. Я хочу рассказать вам историю аутсайдера – человека, над которым все смеялись и которого никогда не приглашали на вечеринки. Он был так одинок, что не знал, как с этим справиться. Это была девушка с непокорными, кудрявыми волосами, которые невозможно уложить в прическу. Она была не похожа на других детей в школе. Она предпочитала писать стихи и сочинять песни, а не сплетничать о мальчиках. Ей страшно хотелось иметь друзей, но то, что интересовало сверстников, ее не увлекало. Ее считали странной. Одноклассникам не нравилось, как она одевается. Они не понимали, почему она не такая, как все, но они даже не пытались разобраться. Вместо того чтобы открыть свои сердца этой странной, прекрасной птице, они изгнали ее из стаи. Она не вписалась. Годы прошли, но школьные обиды остались в ее памяти. А потом она поняла, что у нее есть дар – превращать песни, звучащие в ее голове, в музыку, которая трогает сердца людей. Миллионов людей.

Этим изгоем, с которым никто не хотел дружить, которого высмеивали и зло разыгрывали, была Дженис Джоплин. Вы все знаете ее музыку. Она определила облик целого поколения. Ваши дети будут слушать ее песни, как слушали ваши родители. Уверена, что многие из вас слушают ее песни и сегодня. Дженис Джоплин умерла очень молодой от передозировки наркотиков. В ней было столько боли и страданий, что она пыталась заглушить их наркотиками. Со временем они ее убили. Я часто думаю, если бы одноклассники попытались понять ее, перестали высмеивать и издеваться над ней и приняли такой, какая она есть, может быть, сегодня она была бы жива? Мы никогда не узнаем. Но одно мы знаем точно. Такие люди, как Дженис Джоплин, есть среди нас. Может быть, тот мальчишка в очках, над которым вы смеялись за обедом, станет новым Стивеном Спилбергом или Элтоном Джоном. Пухлая девочка с прыщами, которую вы толкали во время урока физкультуры, может стать новой Бетт Мидлер. Но одиночество, подавленность и печаль способны так сильно повлиять на них, что их жизнь никогда не станет такой, какой бы могла быть. Вы должны понять, что для аутсайдеров школы некоторые из вас подобны королевским особам. Вы значимы. Ваше признание очень важно для них. Когда вы в следующий раз захотите посмеяться над кем-то, остановитесь на секунду и вспомните Дженис Джоплин. Спасибо, что выслушали меня.

Когда я садилась на свое место, все смотрели на меня. Я не понимала, что они думают. Им понравилась моя речь? Или после урока мне придется горько об этом пожалеть?

– Джоди, это было великолепно! Просто превосходно! – захлебнулась восторгом миссис Адамс. – Класс, кто хочет высказаться?

Никто не поднял руки. На задних партах раздалась смешки. Мне захотелось забраться под стол и исчезнуть. Чирлидер, сидевшая рядом со мной, сунула мне в руку записку. Я неохотно ее развернула.

«ТЫ ЧЕРТОВА СУКА!»

Эти слова, написанные толстым черным маркером, пробудили все старые страхи. Знакомые голоса из начальной школы зазвучали в ушах. Я слышала, как дети хором скандировали на школьном дворе: «Мы все ненавидим тебя, уродка!»

Ну и черт с ними! Я не сделала ничего плохого. Хотя я пыталась казаться решительной и сильной, в моей душе царил полный хаос. Идиотка, идиотка, идиотка! Нужно было прислушаться к голосу интуиции и выступить посредственно или хотя бы выбрать нейтральную тему!

Наконец прозвонил звонок. Первый урок закончился. Я собрала книги и направилась к дверям, но миссис Адамс меня остановила.

– Ты не хочешь присоединиться к нашему кружку? – энергично спросила она. – Мы были бы очень рады. Нас немного, но тебе у нас понравится. Ты сможешь многому научиться.

– Конечно! – ответила я, чувствуя, как в душе зарождается новая надежда.

– Мы собираемся по средам вечером в малом театре.

– Я обязательно приду!

Я шла на следующий урок, и вдруг меня кто-то окликнул.

– Джоди, подожди!

Я обернулась и увидела, как ко мне приближается девочка из класса публичных выступлений. Полная, с кучерявыми волосами, сутулая, словно на плечах ее лежал тяжелый груз. Под печальными глазами залегли темные тени, но сами глаза были поразительного зеленого цвета – никогда еще не видела такой красоты. Настоящие изумруды.

– Привет, я Норин, – робко сказала она. Норин походила на щенка, которого так часто пинали, что он уже не надеялся на ласку.

– Привет! У тебя очень красивые глаза. Тебе нужно подчеркнуть их макияжем, – ответила я, благодарная ей за доброту.

Выражение ее лица тронуло меня. Она теребила в руках блокнот, не зная, как реагировать на мой комплимент.

– Правда? – почти прошептала она. – Спасибо. Я никогда не пользовалась макияжем. Мне казалось, в этом нет смысла. Никому нет дела, как я выгляжу.

Казалось, Норин стало легче, когда она высказалась, но собственная откровенность ее смутила.

– Хочешь, сходим в магазин? – предложила я. – Можно пойти в универмаг и поэкспериментировать на косметической стойке.

– Это было бы здорово! Я с радостью! Кстати, я хотела сказать, что твое выступление было просто отличным. Ты говорила обо мне...

– Нет, – возразила я. – Я говорила о нас обеих.

Мы договорились пойти в магазин в пятницу после занятий, обменялись телефонами и отправились на следующий урок. Я на минутку забежала в туалет. Стоило мне открыть дверь и войти, как я об этом пожалела. В туалете столбом стоял дым сигарет и травки. Окон в туалете не было, а вентиляция работала отвратительно. Дым клубился под люминесцентными лампами. У меня защипало глаза.

Я вытащила косметичку и наспех освежила макияж. Я уже собиралась выходить, когда в туалет зашли несколько девчонок. Выглядели они на миллион долларов. Облегающие джинсы, идеальные прически, безупречный макияж. Они болтали о сексе, мальчиках, делились романтическими мечтами о рок-звездах. Я зачарованно прислушивалась к их разговору, отчаянно желая поучаствовать. Я замешкалась, делая вид, что роюсь в сумке в поисках блеска для губ. Может быть, кто-то заговорит со мной или я сама наберусь храбрости вступить в разговор с ними.

Одна из девушек, Шэрон, высокая блондинка, весьма жесткая и задиристая, была в моем историческом классе. Она уже стала одной из самых популярных девушек первого года обучения. В средней школе все хотели походить на нее. Большинство ее одноклассников пришли в Сэмюэлз, и это обеспечило ей популярность с первого же дня. Шэрон повернулась ко мне.

– Эй, ты же Джоди, верно? – настороженно спросила она.

– Да, Джоди Бланко, – ответила я, стараясь вести себя естественно.

Подружки Шэрон казались очень важными сейчас. Я знала, что меня испытывают, и сразу же напряглась. Только бы не совершить ошибки! Я хотела понравиться этим девушкам.

– Ты в моем историческом классе, – заметила Шэрон.

– Да, четвертый урок, – подтвердила я.

– А в какой средней школе ты училась? – продолжала допрос Шэрон.

– В Северо-Западной. А ты в Северо-Восточной? – словно невзначай спросила я, стараясь не показать, что знаю, кто она такая, и боюсь ее.

– Да, Северо-Восточная – классная школа!

Шэрон вытащила из кармана пачку Marlboro, закурила и принялась выпускать кольца дыма перед зеркалом. Подружки последовали ее примеру. Одна протянула сигарету мне. Я снова напряглась. Они приоткрыли дверь, и мне не хотелось захлопывать ее. Но я никогда не курила! От одной мысли о сигарете меня начинало тошнить, но если я не закурю, то меня могут отвергнуть и не принять.

– Похоже, я простудилась, – пробормотала я. – Не хочу никого заразить.

Я закашлялась, радуясь собственной сообразительности.

– Классно, – ответила Шэрон. И тут прозвенел звонок. – Увидимся...

Девушки направились на следующий урок, а я вздохнула с облегчением.

День почти кончился. Я успокоилась. Похоже, в старшей школе будет не так ужасно. Остался последний урок, биология. Вела его маленькая и очень добрая миссис Рейн. Когда она улыбалась, глаза ее начинали искриться. Она буквально сияла, глядя, как мы входим в лабораторию. Было сразу же ясно, что она обожает свою работу. Мы расселись, и я заметила несколько знакомых по средней школе лиц. У меня сразу же перехватило дыхание.

– Переключка, – жизнерадостно объявила миссис Рейн.

Неужели снова начнется прежний кошмар?!

Передо мной сидел Тайлер. Он ехал в том же автобусе, что и я. Я видела, как он болтал с парнями из моего района. Я давно была в него влюблена. Миссис Рейн подошла к моему столу и предложила вытащить из банки бумажку с именем партнера по лабораторным работам. «Господи, пожалуйста, – безмолвно взмолилась я, – пусть это будет Тайлер». Я зажмурилась, изо всех сил сосредоточилась на своем желании, вытащила бумажку и протянула ее миссис Рейн.

– Джулия, – объявила миссис Рейн. – В этом семестре ты будешь делать лабораторные работы вместе с Джоди.

«Ничего страшного», – утешала я себя. Ну хоть сидеть он будет прямо передо мной целый год.

Тайлер всегда презирал авторитеты и все делал по-своему. Учителя его терпеть не могли, зато девчонки просто обожали. Одет он был как всегда: выцветшие джинсы, вылинявшая футболка, выгоревшая черная ковбойская шляпа, черные ковбойские сапоги и черная кожаная куртка. Из нагрудного кармана торчала пачка сигарет Salem. Учителя заключили с Тайлером молчаливое соглашение: они позволяют ему одеваться, как он хочет, а он не устраивает представлений на уроках. Тайлер всегда излучал мощную сексуальную энергию. У него были чувственные карие глаза и длинные волосы. Я мечтала о нем, но в то же время он меня пугал. Страх этот был небезосновательным – впервые я ощутила его в четвертом классе, когда мне было десять лет.

Глава 3

Потерянные радуги

Четвертый класс

Тетушка Эви, сестра моей бабушки, была моей крестной. В то утро за мной присматривала она. Мне исполнилось девять лет, и тетушка хотела, чтобы праздник прошел идеально. Они с бабушкой суестились по дому, расставляли стулья и тарелки, вставляли свечи в огромный ванильный торт, который мама испекла накануне, развешивали воздушные шары и украшения в гостиной и на кухне. Дом превратился в радостный, яркий цирк.

Тетушка Эви была крупной женщиной, с большими мягкими руками и пухлым животом. Я часто сворачивалась клубочком, клала голову ей на живот и зачарованно слушала ее сказки и истории. Больше всего мне нравились «Три балбеса» – я обожала смотреть эти программы по телевизору. Эви придумывала разные приключения Мо, Ларри и Керли. Она с поразительным умением сплетала случайные сюжетные линии. Рассказывая собственные истории о моих любимых телевизионных персонажах, она нежно гладила меня по лбу, ожидая, когда я засну. Тетушка Эви, ее сестры и моя бабушка по материнской линии были моими главными защитниками и компаньонами. Они учили меня играть в покер, грести на лодке, играть в кости и выигрывать в бинго. Станный выбор уроков для ребенка, но я всегда чувствовала, что они любят меня всей душой.

Тем утром бабушка, тетушка Эви и семь других тетушек приехали к нам, чтобы устроить мне праздник в день рождения. Я была в восторге. Через пару часов должны были собраться мои одноклассники.

Хотя тетушки были намного старше мамы, вели они себя гораздо раскованнее. Мама почти всегда серьезна, а тетушки любили повеселиться от души. Когда бабушка была молодой, они с сестрами выпивали в подпольных барах и развлекались с каскадерами и бутлегерами². Всю жизнь они были очень прогрессивными женщинами, и с ними мне всегда было весело.

– Джоди, дай я завяжу тебе хвост, – крикнула из кухни бабушка.

– Иду, иду, – ответила я, спускаясь из своей комнаты.

– Не беги, – предостерегла меня тетушка Эви. – Споткнешься и упадешь.

– Господи, Эви, – закатила глаза тетушка Джуди. – Это же ребенок, а не фарфоровая кукла!

Вот такая атмосфера царила в нашем доме в тот день. Бабушка и тетушки, каждая по-своему, заботились о девочке в ее день рождения.

Бабушка расчесывала мне волосы, когда открылась задняя дверь, раздался шорох магазинных пакетов и цоканье маминых каблучков по полу кухни.

– Мама, а почему папа не приехал? Разве он не мог вернуться из командировки на день пораньше? – спросила я, пытаюсь скрыть разочарование.

– Дорогая, ты же знаешь, папочка тебя очень любит, но он в командировке в Японии. Сегодня с тобой мы, а он вернется на следующей неделе.

– Ну, хорошо, – я изо всех сил попыталась изобразить радость.

Я знала, что папа уехал очень далеко, но все равно выглядывала из окна, думая, что он может устроить мне сюрприз. Каждый раз, когда я приоткрывала шторы в гостиной, мама

² Бутлегер – подпольный торговец алкогольными напитками в период действия «сухого закона» в США в 20–30-е годы XX века. Своего рода американский самогонщик.

и тетушки думали, что мне хочется, чтобы праздник поскорее начался. Им казалось, что я высматриваю одноклассников.

Бабушка и тетушки были моей надежной опорой, но отец давал мне крылья. Он заставлял меня верить, что нет ничего невозможного: достаточно захотеть чего-то всем сердцем и приложить усилия, и можно добиться всего чего угодно. Он знал это по собственному опыту. Папа родился и вырос в Нью-Йорке, в бедной семье. Его родители умерли до моего рождения. У них был маленький сигарный магазин. В шестнадцать лет папа сам зарабатывал себе на жизнь. По восемнадцать часов в день он работал в почтовом отделе крупной международной корпорации. За пять лет он сумел вырасти до младшего вице-президента. Папа умел увлекать людей. Высокий, смуглый, с черными волосами и теплыми карими глазами. Женщины его обожали, а мужчины искали его дружбы. Рядом с ним каждый чувствовал себя самым важным человеком на свете. Пил ли он пиво с работягами или шампанское с руководителями корпораций, папа всегда умел находить общий язык с людьми, кем бы они ни были.

Он страшно любил петь и привез себе из Японии установку караоке задолго до того, как такие устройства появились на американском рынке. Он был щедрым и веселым хозяином. В нашем доме постоянно звучал смех, друзья и родственники сменяли друг друга. Когда родители устраивали вечеринку, папа старался сделать так, чтобы каждый гость чувствовал себя в центре внимания. Я обожала его. Я могла болтать с ним бесконечно. Он никогда меня не ругал и не осуждал. Они с мамой научили меня обращаться к ним с любыми проблемами. Папа всегда говорил, что я не должна бояться довериться ему, что бы со мной ни случилось. Родители были истинными католиками, четко осознающими, что хорошо, а что плохо. Они учили меня сочувствию и терпимости, учили заботиться о слабых. Они воспитывали во мне независимость и желание жить собственным умом.

Мама всегда поддерживала папу. Хотя он часто уезжал в командировки, мама редко жаловалась. Она и сама работала в его офисе несколько дней в неделю – была верной его помощницей и опорой. Они женились по любви. Друзьям нравилось бывать у них. Они словно излучали сияние, и все вокруг хотели окунуться в этот свет.

Стрелки часов перешагнули за полдень, и праздник неуклонно приближался. Я начала понимать, что сюрприза от папы ждать не стоит. «Ничего, – утешала я себя. – Мама сделает кучу фотографий, и в выходные я смогу ему все показать». Кто-то позвонил в дверь, и я отвлеклась от мыслей о том, как папа вернется из Японии.

– Джоди, твои друзья пришли, – пропела тетушка Эви.

Она схватила целую охапку праздничных шляп и поспешила открыть дверь толпе четвероклассников.

– Входите! – крикнула я.

Встречая одноклассников с подарками, я почти позабыла о папе.

День выдался прекрасный. Тетушки просто блистали. Их окружили хихикающие дети, лакомящиеся сладостями с тарелок в стиле «Улицы Сезам». Мы играли в «прицепи хвост ослу», когда нужно с завязанными глазами правильно прикрепить хвостик к изображению осла. Тетушка Джуди поднялась на стремянку, чтобы повесить огромную яркую пиньяту с конфетами. Мама затаила дыхание. Тетушка Джуди не отличалась ловкостью и могла рухнуть со стремянки в любую минуту. Чем сильнее дрожала стремянка, тем громче мы хохотали. Это был волшебный день. Мы по очереди пытались разбить пиньяту. В конце концов Эдди (он мне всегда нравился) ударил по ней так сильно, что конфеты разлетелись по всей комнате. Тут же появились наш французский пудель Ш-Шу и бабушкин карликовый пудель Тойя. Они принялись гоняться за конфетами, катающимися по полу. Все хохотало до слез. Бабушка фотографировала, а мама снимала на камеру. Они хотели запечатлеть наше веселье со всех сторон.

Мама знала, что я страдаю от одиночества – я же была единственным ребенком. Ей хотелось устроить мне идеальный день рождения. Когда пришли мои одноклассники, она очень

радовалась, но во время праздника почему-то держалась как-то отстраненно и сдержанно. Мама всегда казалась такой: теплой и веселой в один момент – и суровой и жесткой в другой. Думаю, ей было трудно иметь единственного ребенка. Во мне она видела маленького взрослого.

В тот день мама была очень красивой. Темные вьющиеся волосы, волшебные карие глаза – куда бы она ни пошла, на нее все оборачивались. Она считала, что женщина должна ухаживать за собой, и привила мне такое же чувство уважения к себе. Друзья часто говорили, что им хотелось бы, чтобы их матери тоже были такими красивыми. А мне иногда хотелось, чтобы она не так сильно заботилась о своей внешности, и это чувство сохранилось у меня надолго.

Одноклассники отлично повеселились. Я была совершенно счастлива. Пришли все мои школьные друзья – всем хотелось побывать на моем дне рождения...

В тот год я была популярной. В школе все хотели сидеть рядом со мной. Со мной делились секретами. Мы даже придумали собственный язык, чтобы взрослые не понимали, что мы говорим друг другу. Наша учительница, миссис Стенс, благослови ее Господь, была бесконечно терпелива с нами. Школа казалась воплощенной мечтой. Мне нравилось учиться. Одноклассники считали меня умной и смелой. Мне подражали.

Я училась в католической младшей школе Святого Вознесения, и преподавали нам монахини. Больше всех я любила сестру Розу, пожилую добрую женщину невероятной чуткости и теплоты. Мама тоже ее любила. Она всегда давала мне небольшие подарки для сестры Розы – чтобы та чувствовала, как ее ценят и любят.

В нашей школе была специальная программа для глухих. Одна из девочек, обучавшихся по этой программе, Марианна, мне очень нравилась. Ей было пять лет, она косолапила и носила тяжелые и неуклюжие черные ботинки, сделанные специально под ее нездоровую ногу. Помимо полной глухоты, она еще и плохо видела. Очки с толстыми стеклами казались огромными на ее крохотном личике. Одевалась Марианна очень плохо, и другие дети вечно издевались над ней. Они передразнивали ее походку и попытки заговорить. Хотя Марианне было пять лет – то есть она всего на четыре года младше меня, – эта малышка будила во мне материнский инстинкт. Мне хотелось обнять ее, чтобы она почувствовала, что ее любят. У нее была самая красивая на свете улыбка.

Я спросила у сестры Розы, нельзя ли мне помогать ей в работе с глухими в обеденный перерыв. Сестра Роза с радостью согласилась. Я каждый день играла с этими замечательными детьми и помогала сестре Кларе, очаровательной молодой монахине, отвечавшей за эту программу. Сестра Клара учила глухих детей читать по губам. Я разговаривала с ними, а они пытались разобрать, что я говорила. Я очень привязалась к Марианне. Она казалась мне такой одинокой – даже другие глухие дети порой дразнили ее.

Как-то днем я спросила сестру Клару, можно ли пригласить Марианну ко мне домой поиграть.

– Пожалуйста, сестра, – упрашивала я. – Мама сказала, что позвонит маме Марианны, заберет нас, а потом отвезет ее домой. Ну, пожалуйста!

– Мне нужно сначала предупредить маму Марианны, – ответила сестра Клара и пошла в кабинет звонить ей. Через несколько минут она вернулась и с улыбкой сказала: – Я обо всем договорилась и узнала дорогу. Если вы с мамой заберете Марианну в субботу в одиннадцать часов, будет замечательно.

Я пришла в безумный восторг. В субботу утром я проснулась в шесть часов и полностью оделась, не забыв разбудить и всех остальных. Мама тоже хотела познакомиться с Марианной.

– Мама, а где она живет? Далеко?

– Да, дорогая, минутах в сорока от нас...

Чем дальше мы ехали, тем более ветхими и неприглядными становились дома.

– Мама, а почему эти дома такие печальные? – спросила я, не понимая, почему на домах облупилась краска, а изгороди покосились.

– Джоди, здесь живут люди, которым в жизни повезло меньше, чем нам. У них мало денег. Ты можешь помолиться, чтобы Бог дал им силы и возможности, – грустно ответила мама.

Наконец мы остановились перед маленьким домом Марианны. Ему явно нужен был ремонт, но на дворе царил полный порядок. Сразу стало понятно, что семья Марианны хотя и бедна, но обладает чувством собственного достоинства и самоуважения.

Мы подошли к крыльцу. Нас встретила пухлая молодая женщина с розоватыми светлыми волосами и добрым взглядом. Она улыбалась.

– Здравствуйте! Я Шерри, мама Марианны. Я так благодарна, что вы ее пригласили. Я переживала, что она так одинока, а у меня столько забот с малышом, что я не могу уделять ей достаточно внимания. Она очень робкая. Ей трудно подружиться с другими детьми. Ее впервые кто-то пригласил, – на этих словах на глаза Шерри навернулись слезы.

– Шерри, Джоди очень нравится ваша дочь. Мне не терпится наконец-то познакомиться с ней.

– Спасибо. Входите и присаживайтесь.

В доме, как и на дворе, царил идеальный порядок. Старая потрепанная мебель, пустоватая гостиная – все было очень чисто и аккуратно. Сразу видно, что Марианна растет в семье, которая гордится тем малым, что у них есть, и не стыдится своих стесненных обстоятельств.

Мы с Марианной прекрасно провели день. Мама угостила нас пиццей и отвезла в парк, где мы играли несколько часов. Марианна стала для меня младшей сестрой, о которой я всегда мечтала. Она нуждалась во мне, а я – в ней. Мне нравилось изображать старшую сестру и присматривать за ней. Другие дети удивленно таращились на нас. Когда мы проходили мимо качелей, дети отступили, словно в испуге. Мама не хотела смущать нас с Марианной и устраивать сцену, поэтому она просто взяла нас за руки, и мы уехали.

– Мама, почему дети в парке так себя повели? – спросила я, когда мы ехали домой.

– Люди иногда пугаются тех, кто на них не похож, – объяснила мама. Она говорила медленно, чтобы я поняла каждое ее слово. – Это не значит, что они плохие люди, просто ограниченные. Учись не обращать на них внимания. Марианна – твоя подруга. Не позволяй никому лишить вас этой дружбы.

– Понимаю, мама, – ответила я, пытаясь забыть, как на нас смотрели.

Утром в понедельник я шла на урок сестры Розы, и тут меня остановила моя лучшая подруга Джо Эллен.

– Я слышала, что ты играла в парке с дебилкой, – сурово сказала она. – Моя сестра видела вас на качелях.

– Марианна не дебилка, – возразила я. – Она инвалид.

– Если ты будешь с ней играть, то я больше не буду играть с тобой, – заявила девочка, которую я считала лучшей подругой. – Марианна урод. Если ты будешь играть с ней, то тоже станешь уродом.

Я задумалась над словами Джо Эллен. Она была моей лучшей подругой. Мы все делали вместе. Стоит ли Марианна расставания с Джо Эллен? С ней не поговоришь так, как с лучшей подружкой. Она маленькая, да еще и глухая, и с ней трудно общаться. Ее можно считать младшей сестрой, но мне нужна настоящая лучшая подруга. Как я буду учиться без нее?

– Хорошо, Джо Эллен, я не буду больше играть с Марианной. Только останься моей подругой! – взмолилась я.

Джо Эллен триумфально смотрела на меня, и я поняла, что мы остались подругами. А вот думать о Марианне было тяжело. Как я смогу посмотреть ей в глаза и сказать, что не смогу больше играть с ней? «У меня просто нет выбора», – уговаривала я себя.

Днем я сказала сестре Кларе, что не смогу больше ей помогать.

– Мама хочет, чтобы я приезжала домой обедать, – соврала я. – Ей кажется, что проводить целый день в школе вредно.

– Хорошо, Джоди, я понимаю, – разочарованно ответила сестра Клара, и мне стало страшно стыдно. – Дети будут скучать по тебе, особенно Марианна. Она так привязалась к тебе.

– Простите, сестра, но мама не разрешает мне, – пробормотала я и выскочила из класса.

В конце коридора я увидела Марианну. Она возвращалась с перемены. Увидев меня, она заулыбалась и направилась ко мне. Я притворилась, что не замечаю ее, и убежала. Мне хотелось сквозь землю провалиться. Как я могла так поступить? Что со мной случилось? Несколько недель я старалась держаться подальше от классов, где занимались глухие. Мне было стыдно признаться маме в моем поступке и не хотелось, чтобы сестра Клара узнала, что я соврала. Единственный выход – прятаться. Каждый день в обеденный перерыв я уходила в женский туалет и пряталась в кабинке. Зловещее предзнаменование того, что ждало меня впереди.

Как-то раз я вернулась домой из школы и увидела, что родители ждут меня в гостиной. Папа никогда не приезжал домой среди дня, если только не случилось чего-то особенного.

– Сестра Клара позвонила и попросила меня пересмотреть мое решение, – спокойно и монотонно сказала мама. – Она сказала, что я не разрешаю тебе помогать ей в обеденный перерыв. В обед ты домой не приезжаешь и в классе сестры Клары тоже не помогаешь. Джоди, что происходит? Мы с папой беспокоимся.

Соврать родителям я не могла, и правда вышла наружу. Я рассказала, что произошло между мной и Джо Эллен, о том ужасном выборе, который мне пришлось сделать. Слезы душили меня, и я с трудом подбирала слова. Папа поднялся и обнял меня.

– Джоди, ты поступила неправильно, – мягко сказал он. – Ты причинила боль Марианне и себе самой, потому что позволила другим заставить тебя совершить недостойный поступок. Джо Эллен – жестокая эгоистка. Ты не должна была ее слушать. Ты понимаешь, что она попросила тебя поступить неправильно?

– Да, папочка, – всхлипнула я. – Я чувствовала себя так плохо, но не хотела терять лучшую подругу.

Мне было безумно стыдно, но в то же время легко, потому что больше не нужно было врать.

В тот же день родители отвезли меня в школу, в кабинет сестры Клары. Они объяснили, что мне нужно сказать нечто важное. Я все рассказала сестре Кларе, а та терпеливо меня выслушала.

– О, сестра, мне так стыдно, – рыдала я. – Можно мне и дальше помогать вам?

Я так боялась, что она прогонит меня и больше никогда не позволит прийти в ее класс. Но она обняла меня и поблагодарила родителей.

– Думаю, одна маленькая девочка будет очень рада увидеть тебя за обедом, – с улыбкой сказала она.

На следующий день я вернулась в класс сестры Клары. Увидев меня, Марианна с широкой улыбкой кинулась ко мне.

– Марианна, мне так стыдно, – прошептала я.

Она схватила меня за руку, потянула к доске и нарисовала цветок.

– Очень красиво, – похвалила я.

Марианна просияла и крепко меня обняла. Впервые после разговора с Джо Эллен я почувствовала себя прекрасно.

Шли недели. Жизнь, казалось, вернулась в обычную колею. Джо Эллен перестала дуться. Как-то во время перемены она даже заговорила со мной. Правда, я чувствовала, что она сделала это, потому что ее заставили родители. Мама позвонила им и все рассказала. Поведение дочери их встревожило, и они вынудили ее и дальше общаться со мной. «По крайней мере, она меня больше не ненавидит», – утешала я себя. Ну и что, что ее заставили родители?

Однако чем дальше, тем меньше мы общались. Наши пути разошлись. А мне так нужна была лучшая подруга, с которой можно всем делиться! Я стала все больше времени и сил уделять Марианне и другим детям из программы для глухих. Они находили радость в том, на что здоровые дети и внимания не обращали.

Летние каникулы я провела в деревне, с кузенами. Они были на несколько лет старше, но с удовольствием играли со мной. Все говорили, что со мной интересно, потому что я очень взрослая для своих лет. Август подходил к концу, и я дожидаться не могла, когда же начнутся уроки в школе. Мне нужно найти новую лучшую подругу, которая сможет принять Марианну и других детей из программы для глухих.

Пятый класс начался отлично. На первой неделе меня пригласили на два ночных девичника! На перемене две самые популярные девочки позвали меня в свою компанию, а Грег, самый симпатичный мальчик во всей школе, проводил меня в кабинет математики. «Это будет лучший год в школе!» – твердила я себе. А самое замечательное было в том, что никто больше не заговаривал о моей работе в программе для глухих. Пара девочек из нашего класса даже сказали, что это хорошо.

Приближался День благодарения, а с ним – и еще одно важное событие в моей жизни. Я отправилась на прослушивание в детскую театральную группу «Актеры Питта», и меня взяли на роль Дороти в спектакле «Волшебник страны Оз». На премьеру должна была прийти вся школа. Я была в восторге! У меня голова кружилась! Каждый день сулил новое приключение. Все шло прекрасно, и то, что случилось, стало для меня полной неожиданностью.

Как-то днем группа моих одноклассников принялась дразнить глухих детей. Они обзывались ужасными словами и передразнивали их особенности.

– Идиоты, идиоты, – распевали они, – мы ненавидим идиотов!

– Прекратите, пожалуйста, – попыталась я их урезонить. – Они же все равно вас не слышат...

– Идиоты, идиоты! Даже Бог ненавидит идиотов!

– Прекратите! – закричала я. – Оставьте их в покое! Они ничего вам не сделали!

Все было бесполезно. Жестокую песню распевала Джо Эллен, а я не могла ее остановить. Чем больше я пыталась, тем сильнее они злились. Они смотрели на меня, словно я предала их. «Как я смею защищать идиотов?!» – говорили их взгляды. Тут из кабинета выбежала сестра Клара с линейкой в руках, чтобы наказать виновных. Джо Эллен и остальные кинулись бежать. Несколько глухих детей хныкали у дверей класса, не понимая, что происходит. Они были очень напуганы.

– Что случилось? – сердито спросила сестра Клара. – Джоди, кто все это затеял?

– Не знаю, сестра, – я опустила голову, чтобы не смотреть ей в глаза.

– Мисс Бланко, не пытайтесь меня одурачить, – сурово сказала монахиня. Я никогда еще не слышала, чтобы эта милейшая женщина говорила таким тоном. – Я хочу знать, кто совершил этот жестокий поступок. И я отлично знаю, что вы все видели!

Мне не хотелось выдавать одноклассников, но я не могла снова обмануть сестру Клару. Глухие дети заслуживают лучшего отношения. На этот раз я должна поступить правильно.

– Джо Эллен и Грег, – тихо пробормотала я. – Они все начали.

– Спасибо, Джоди. Я знаю, тебе было трудно ответить мне честно, но ты поступила правильно и достойно. Я горжусь тобой.

На следующий день вся школа знала, что я настучала на Джо Эллен и Грега. Директриса исключила их на неделю. Со мной никто не разговаривал. Я была в отчаянии. Во время перемены на меня никто не смотрел, а днем я нашла в своей сумке с учебниками тухлую еду из мусорного ведра.

Но у меня еще оставался театр. Мне нравились репетиции, нравилось общаться с другими детьми. «Все не так плохо», – твердила я себе. Папа сказал, что я проявила характер. Многие ли

пятиклассники на такое способны? «Кроме того, – твердила я, – меня все увидят в спектакле. И тогда все забудут эту ужасную глупость!»

Спектакль назначили на воскресенье. Генеральная репетиция прошла в среду. В пятницу утром в местной газете напечатали статью об открытии сезона «Акторов Питта». Туда поместили мою большую фотографию, сделанную во время генеральной репетиции. К обеду статью успела прочитать вся школа. Она произвела впечатление. Никто из нас еще никогда не появлялся в газете! *Пожалуйста, Господи, мама говорит, что все делается по Твоей воле. Пожалуйста, пожелай, чтобы одноклассники снова меня полюбили!*

Когда уроки закончились, ко мне подошла Терри, новая лучшая подруга Джо Эллен, одна из самых популярных девочек в классе.

– Я видела тебя в газете, – сказала она. – Ну и каково это?

– Неплохо, полагаю, – смущенно ответила я, не зная, что сказать.

– В субботу я устраиваю ночной девичник, – продолжала Терри. – Если хочешь, приходи. Наконец-то! Я снова принята в круг сверстников! Они простили меня!

– Да, мне очень хотелось бы, – ответила я, испытывая огромное облегчение.

Я была так счастлива, что домой летела, как на крыльях.

– Мам, никогда не угадаешь, что случилось! – закричала я прямо от дверей, кидая сумку с учебниками на кухонный стол. – Терри пригласила меня на ночной девичник в субботу! Они меня больше не ненавидят! Я так счастлива!

– Ангелочек, это замечательно, – кивнула мама. – Я же говорила, что все образуется. Но, детка, ты не сможешь пойти в субботу вечером. В воскресенье днем у тебя спектакль. Ты должна быть в театре к восьми утра. Джоди, ты так много работала ради этого спектакля. Если не выспишься в субботу, то не сможешь хорошо сыграть. Ты подведешь себя и всю труппу.

– Мама, нет! Пожалуйста,пусти меня! Если я скажу Терри, что не приду, то мне никогда с ней не подружиться – и с другими девочками тоже, – сквозь слезы молила я. – Ты не можешь так со мной поступить!

– Джоди, ты хотела играть в «Волшебнике страны Оз». Ты мечтала стать Дороти. На тебе лежит ответственность, и я была бы плохой матерью, если бы позволила тебе этим пренебречь. Объясни Терри все. Она поймет.

– Нет, она не поймет! Я даже пытаться не буду! Обещаю, я не буду болтать с девчонками всю ночь! Пожалуйста,пусти меня! Ну пожалуйста!

– Нет, – отрезала мама. – Разговор окончен.

Всю ночь я проплакала. Это было так несправедливо.

Да, я мечтала сыграть Дороти. Но и школа была моей жизнью. Я превратилась в изгоя, и девичник у Терри мог стать моим спасением. Почему мама этого не понимает? Ее волнует только то, что я слишком устану. Ну и что? Спектакль – это один день, а школа – каждый день!

На следующий день я сказала Терри, что не смогу у нее ночевать.

– Терри, мама меня не пускает, потому что в воскресенье спектакль, – пыталась объяснить я.

– Ты не хочешь прийти, потому что считаешь себя лучше нас! – вспыхнула Терри.

– Неправда! – Я уже чувствовала, как обещание дружбы тает на глазах. – Мне дела нет до этого дурацкого спектакля. Я не думаю, что чем-то лучше тебя!

– Нет, думаешь! Ты всего лишь дурацкая актриса. Кстати, я пригласила тебя только потому, что меня заставила мама. Никто и не хотел, чтобы ты приходила.

С этими словами она развернулась на каблуках и пошла прочь. Я была просто раздавлена.

В воскресенье утром я изо всех сил постаралась забыть о неприятном разговоре с Терри и принялась готовиться к спектаклю. Мне всегда нравилась атмосфера кулис, суeta в гримерках, где родители готовили детям костюмы, запах грима, шорох и позвякивание бутафории, грохот устанавливаемых на сцене декораций. Такой мир заменял мне общение с друзьями.

За кулисы пришли и мама, и папа. Они хотели подбодрить меня.

– Ни пуха ни пера, дорогая, – с улыбкой сказал папа. – Профессиональные актеры всегда говорят так перед спектаклем.

– Джоди, не сутулься и говори четко, – напомнила мама, затягивая хвостики на голове.

Наш режиссер, миссис Питт, энергичная женщина среднего возраста, которая благодаря работе в детском театре стала настоящей знаменитостью, начала вежливо выпроваживать родителей из гримерок.

– Мама, а из школы кто-нибудь пришел? – спросила я, впрочем, безо всякой надежды.

– Я хотела тебя удивить, но теперь уже можно сказать, – подмигнула мама. – Я позвонила некоторым родителям. Все твои одноклассники придут.

– Мама, спасибо!

Спектакль прошел с колоссальным успехом. Два часа я была настоящей Дороти. Когда он закончился и я вышла на поклоны, на сцену поднялся папа, чтобы вручить мне роскошный букет. В тот день папа был таким красивым! А потом ко мне за кулисы пришли Терри, Джо Эллен и еще несколько одноклассников. Они улыбались, говорили комплименты, но я чувствовала, что им неловко и неприятно, словно их заставили есть противные овощи. Я сделала вид, что не замечаю. Я же только что осуществила свою мечту – сыграла Дороти в «Волшебнике страны Оз». Однако радости не было.

В понедельник в школе я поблагодарила Джо Эллен и Терри, что они пришли на спектакль.

– Я так рада, что вы были там, – сказала я, страстно желая заслужить их дружбу. – Для меня это многое значит.

– Было весело, – улыбнулась Терри.

– Ага, – подхватила Джо Эллен.

– И как ты запомнила весь текст? – спросила Терри.

– Это было несложно. Мама репетировала со мной каждый день, и со временем я все запомнила.

– Ну пока, – сказала Терри.

– Увидимся, – пробормотала Джо Эллен.

Может быть, я сумею их вернуть. Они уже со мной разговаривают!

Правда, радость была недолгой. Учеба продолжалась, и атмосфера в школе постепенно начала меняться – незаметно, но очень решительно. Одноклассники стали разбиваться на группы, и принадлежность к ним много значила. Тебя либо принимали, либо отвергали. Если ты не был чирлидером, спортсменом, отличником или членом «крутой» группы, тебя просто не замечали.

Я заметила и другие перемены. Раньше теми, кто активно участвовал в уроках, восхищались, с них брали пример. Теперь же часто поднимавших руку высмеивали, называя учительскими подхалимами. Чтобы тебя приняли в группу, нужно было высмеивать других, даже если тебе этого не хотелось. Такова стала цена дружбы. Правила просты: либо высмеиваешь ты, либо высмеивают тебя. Чем ты более жесток к изгоям, тем выше твоя популярность в группе. А если не хочешь плыть по течению, то сам станешь изгоем. Ребята, которые всегда были добрыми и внимательными, становились жестокими, чтобы произвести впечатление на друзей.

– Почему ты всегда так причудливо говоришь? – как-то раз на перемене спросил меня Эдди. – Ты даже не знаешь, что означают эти слова.

Мне нравилось учить новые слова и пользоваться ими в школе. Никто прежде не дразнил меня за это.

– Я знаю, что они значат, – ответила я.

– Ты врушка и зазнайка! Почему бы тебе не перейти в другую школу? Тебя здесь никто не любит.

А ведь я была влюблена в Эдди...

– Пожалуйста, не говори так, – сказала я, с болью вспоминая, как он разбил пиньюту на моем дне рождения и как мы веселились тогда.

За спиной я слышала шарканье кроссовок по асфальту. Я обернулась. К нам направлялись два приятеля Эдди.

– Она уродка, – сказал один.

– Ага! – подхватил другой. – Эдди, зачем ты разговариваешь с этой уродкой?

– Я говорю, чтобы она перешла в другую школу, потому что все мы ее ненавидим, – с гордостью ответил Эдди.

– Уродка, уродка, никто не любит уродов, – принялись дразнить меня мальчишки. – Уродка, уродка, никто не любит уродов...

Вот такая мантра отверженности...

Я побежала прочь от них по школьной парковке. Их слова молотом стучали в ушах. Я не понимала, куда бегу, воздуха мне не хватало. Я вбежала в аптеку и позвонила маме по телефону-автомату.

– Мама, пожалуйста, заberi меня! – рыдала я. – Я не могу туда вернуться! Пожалуйста!

– Джоди, где ты? – испуганно спросила мама.

– Я в аптеке...

– Я приеду через пять минут.

Мама привезла меня домой, сделала горячий сэндвич с сыром и уложила в постель. Я проспала до утра. Когда я спустилась к завтраку, папа сказал, что я должна вернуться в школу – нельзя показывать Эдди и его приятелям, что я сдалась. «Не обращай на них внимания, и они от тебя отстанут», – твердили родители. Они даже не догадывались, насколько вреден их совет.

Сильнее всех страдали дети из программы для глухих. Теперь их дразнили не отдельные школьники, а целые группы. Они были легкой добычей, потому что не могли сопротивляться. Инвалиды были не единственной мишенью. Охотились на всех, кто чем-то отличался. Нужно было либо вписываться, либо становиться изгоем. Я не могла так поступить. Однажды я уже совершила ошибку, когда отвернулась от Марианны. Больше я не проявлю такой слабости.

К концу пятого класса я чувствовала полную опустошенность. Если бы я испытывала одиночество и раньше, если бы я никогда не знала популярности, мне было бы легче. Но до четвертого класса меня все любили. Переход от всеобщей любимицы к изгоя стал слишком сильным ударом.

Родители не знали, что делать. Им было тяжело, что я каждый день возвращаюсь из школы в слезах. Однако они боялись переводить меня в другую школу. Им казалось, что так они покажут мне, что от проблем можно убежать. Они разрывались между желанием спасти меня от боли и стремлением научить меня быть выше этой боли. Наступило лето, и вопрос решили отложить до осени. Я продолжала заниматься в труппе «Актёров Питта». Какое счастье, что у меня был театр!

В сентябре я сказала родителям, что хочу вернуться в старую школу, не хочу бежать, хочу быть сильной. Они согласились. Шестой класс начался нормально. Дразнили меня мало. Я перестала употреблять сложные слова и старалась не поднимать руку на уроках. Если учитель меня вызывает, хорошо. Если нет, еще лучше. Порой мне приходилось сидеть на собственных руках, в прямом смысле слова. Я напоминала себе, что не хочу стать учительским любимчиком. Мои усилия принесли плоды. На переменах меня приглашали играть. Популярной я не стала, но меня хотя бы перестали постоянно дразнить. «Я должна надеяться на лучшее и продолжать работать», – твердила я себе.

Хотя я и воспрянула духом, но все же чувствовала себя очень одинокой. Хорошо, что тебя не дразнят, но плохо, когда нет друзей. «Пожалуйста, Господи, – молилась я. – Пусть одноклассники снова меня полюбят!»

Продолжение история получила в Хэллоуин. Одноклассники позвали меня ходить вместе с ними за конфетами. Я была так счастлива, что чуть не разрыдалась. Мне дали второй шанс! Я схватила свою оранжевую сумку в виде тыквы и выскочила на улицу, думая, что Бог услышал мои молитвы. Но оказалось, что меня позвали, чтобы грязно разыграть пожилую женщину, которая жила на нашей улице. Они собирались закидать ее дом сырыми яйцами и туалетной бумагой, и им нужна была моя помощь в этом деле.

– Она старая ведьма, – шипела Джо Эллен.

– Пусть все волосы на голове выдергает! – орала Терри.

– Посмотрим, как она в своем драном халате будет отчищать эту грязь! – хохотал Грег.

Я отказалась участвовать, потому что мне было жаль ту женщину. Я сказала, что они задумали подлую и жестокую проделку, и мгновенно превратилась в мишень для издевательств. Все рухнуло в ту же минуту.

На следующий день мои родители пришли поговорить с директрисой школы, сестрой Джанин.

– Не понимаю, почему вы так всполошились, – удивилась она, когда родители ей все рассказали. – Ей следует лучше стараться заводить друзей. Дети всегда остаются детьми. Они должны сами решать свои проблемы. Если Джоди не хочет поладить с другими детьми, то ей, пожалуй, стоит перейти в другую школу.

В следующем месяце я поступила в академию Морган-Хиллз, частную школу для «детей, одаренных в интеллектуальном и художественном отношении».

Глава 4

Сгущаются тучи

– Все в порядке, – жизнерадостно сообщила мама. – Ты пойдешь в академию Морган-Хиллз на следующей неделе.

– Мама, не знаю, хочу ли я в ту школу, – призналась я. – В их кампусе *похоронены* люди! Я видела их надгробия в саду, когда мы туда ездили. Там страшно...

– Джоди, там никто не похоронен, – вздохнула мама. – Это памятники ученикам, которые погибли во время мировых войн.

– Мама, это же не военное училище! Эти памятники страшные. Разве ты не заметила, какое старое и страшное здание этой школы?

Перспектива каждый день ходить по темным, зловещим коридорам меня пугала.

– Дорогая, Морган-Хиллз – одна из лучших частных школ в нашем регионе, – с энтузиазмом продолжала уговаривать меня мама. – А здание – это историческая достопримечательность. Когда поступишь в колледж, будешь всем рассказывать об этом. Многие лучшие университеты располагаются в старинных зданиях.

– Наверное, ты права, – я с трудом выдавила из себя улыбку. – Как думаешь, в новой школе меня полюбят?

– Конечно! В Морган-Хиллз серьезно относятся к учебе. Тебя не будут дразнить за то, что ты хорошо учишься и красиво говоришь. Наконец-то ты окажешься там, где у тебя будет больше общего со сверстниками.

– Мне все равно страшно, – призналась я. Идти в новую школу мне совсем не хотелось.

– Все будет прекрасно! У меня хорошее предчувствие!

Приближался первый день учебы в новой школе, и настроение у меня улучшалось. Это станет новым началом. Мне не придется носить форму, и это большое облегчение. Я ненавидела юбки в складку и крахмальные белые блузки, которые обязательны в католической школе. Классы в Морган-Хиллз были меньше. В шестом классе училось всего тридцать учеников, по пятнадцать в классе. В школе Святого Вознесения в каждом классе было тридцать учеников. И предметы в новой школе были интереснее. В шестом классе уже появилась возможность изучать древнюю историю, литературу, французский язык, астрономию и даже палеонтологию – ничему такому в католической школе не учили. Больше всего меня привлекали древняя история и палеонтология. Я всегда обожала читать про археологические находки и окаменелости.

Хотя я была единственным новичком в школе, но уже знала одну из своих будущих одноклассниц, Келли. Мы с ней познакомились в театре и часто играли вместе. Она пообещала меня со всеми познакомить.

– Тебе у нас понравится, – с энтузиазмом сказала она. – У нас отличные учителя. И я всем своим друзьям уже рассказала про тебя.

– Келли, я боюсь им не понравиться, – призналась я. – Вы же знаете друг друга с первого класса. Я буду для вас чужаком.

– Джоди, у нас отличные ребята. Сама увидишь! Поверь!

Я очень надеялась, что это действительно так. Если меня не примут и в новой школе, я пропала. Родители перестанут верить в меня. Я уже подслушала их разговор как-то вечером, когда они думали, что я сплю.

– Нужно честно признаться, – сказал папа. – Нельзя позволять Джоди бежать от проблем. Если она не приживется и в Морган-Хиллз, возможно, это с ней что-то не так.

– Что ты хочешь сказать? – удивилась мама.

– Я говорю, что мы должны показать ее психиатру, – спокойно ответил папа. – Пусть он разберется, что с ней не так.

– Это не ее вина, – возразила мама, повышая голос. – Она лидер и не хочет идти с толпой. Поэтому она и стала козлом отпущения в школе.

– Мне нет до этого дела, – ответил папа. – Ребенок целый год рыдает по ночам. Я не могу больше этого выносить. Если все дело в ней, если ее отвергают из-за нее самой, мы должны в этом разобраться.

– Удивительно, что ты заметил, что твоя дочь несчастна. Ты же дома почти не бываешь.

– Не будем об этом, – напряженно произнес папа. – Я хочу, чтобы ты позвонила педиатру и попросила посоветовать нам хорошего детского психиатра. Неважно, сколько это будет стоить и как далеко придется поехать. Я хочу знать, почему наша дочь – изгой.

Папины слова меня просто убили. Значит, он так меня видит – изгоем? Во мне вскипел гнев. Меня замутило.

– Я узнаю про лучшего специалиста в Чикаго, – согласилась мама. – Но давай подождем несколько месяцев, прежде чем обращаться к нему. Посмотрим, как будет в новой школе.

– Хорошо, – уступил папа. – Подождем до рождественских каникул.

После того как я подслушала их разговор, я впервые в жизни почувствовала себя совершенно одинокой. Все это время на моей стороне были только два человека, а теперь и они больше не верят в меня.

В моей памяти всплыли слова, которые всегда меня утешали, но после подслушанного разговора от них мне стало еще больнее.

Одноклассники не ненавидят тебя. Просто ты их опередила. Они догонят тебя, ты добьешься успеха, и у тебя будет больше друзей, чем ты можешь представить. Когда-нибудь ты, как гадкий утенок, превратишься в прекрасного лебедя...

Что же произошло? Почему родители так изменились? Может быть, папа прав, и все дело во мне? Может быть, это моя вина, что я не могу поладить со сверстниками? Уверенность в себе полностью пропала. Родители собирались отвести меня к психиатру. Я и без того нервничала из-за новой школы, а теперь еще оказывалось, что, если у меня ничего не получится, я окажусь в психушке.

– Ангелочек, пора вставать, – жизнерадостно сказала мама, входя в мою комнату и зажигая свет. – Первый день в новой школе – разве не здорово?

– Конечно, только и страшно тоже, – отозвалась я.

– Джоди, это новое начало. Просто будь собой. Поторопись, чтобы успеть позавтракать до школьного автобуса.

– Хорошо, мама.

Проглотив несколько ложек омлета, я натянула куртку и обняла маму на прощание. В ее объятиях было так хорошо и тепло, что мне не хотелось уходить. Мама осторожно отстранилась и протянула мне сумку с книгами. А потом обхватила мое лицо руками, посмотрела мне прямо в глаза и сказала, что она всегда будет со мной, и они с папой всегда будут любить меня, что бы ни случилось.

– Твой автобус. Беги.

Водителем автобуса оказалась крепкая пожилая женщина лет шестидесяти пяти. Она широко улыбалась.

– Ты, должно быть, Джоди Бланко, новенькая из шестого класса, – сказала она.

– Да, – чуть слышно ответила я.

– Я миссис Эндрюс. Это двадцать шестой автобус. Я буду привозить тебя домой после уроков. А теперь почему бы тебе не сесть в третьем ряду слева, рядом с Дебби? Вы из одного класса. Дебби, пожалуйста, познакомь Джоди с остальными ребятами в автобусе.

– Привет, – жизнерадостно воскликнула Дебби, когда я уселась рядом с ней.

Миниатюрная, с яркими голубыми глазами и длинными светлыми волосами, Дебби напомнила мне юную Фэрру Фосетт. Она мне сразу понравилась.

– Келли рассказала нам про тебя, и теперь все хотят с тобой познакомиться, – добавила Дебби.

Я была в восторге. Внутренняя напряженность начала ослабевать. Мне стало легче, словно надежда вытянула меня из черной дыры. «Похоже, в Морган-Хиллз будет нормально», – подумала я. Пока мы ехали, Дебби познакомила меня с другими ребятами. Все они – от первоклассников до восьмиклассников – оказались очень дружелюбными и любопытными. Меня расспрашивали про старую школу, про любимые предметы.

Когда мы вышли на школьной парковке, Дебби заметила Келли и крикнула, чтобы она нас подождала. Келли обернулась, улыбнулась и помахала нам. На ней была красно-белая форма чирлидера.

– Джоди, привет! Добро пожаловать в Морган-Хиллз!

– Спасибо! Я в восторге! Кстати, ты никогда не говорила, что ты – чирлидер. В нашей старой школе в группу можно было вступить только в седьмом классе.

– Да, меня записали летом, – с гордостью ответила она. – Пошли, мы с Дебби покажем тебе твой шкафчик. А потом со всеми познакомишься.

Мы направились к главному зданию. Я спросила про наших учителей, мистера Уоррена и миссис Гордж.

– Мистер Уоррен – лапочка. Он часто устраивает опросы, но если будешь внимательна и станешь выполнять все задания, хорошие оценки гарантированы. А еще он такой симпатичный, – добавила Дебби, заливаясь румянцем.

– Он-то да, а вот старуха Гордж – это что-то! – Келли закатила глаза. – Никому не говори, но я слышала, как мама говорила, что миссис Гордж была алкоголиком, и поэтому у нее иногда дрожат руки. Она жутко старая, лет шестьдесят, не меньше... Порой она бывает настоящей стервой... Никогда не угадаешь, что она придумает...

Я была в восторге, что меня посвятили в настоящие девичьи секреты.

– А эти ее духи, – скривилась Дебби. – Она душит L'Air du Temps и благоухает на весь класс. Фууу...

– Нам лучше поторопиться, – сказала Келли. – Я хочу познакомить Джоди со всеми до начала урока.

– Хорошо, – согласилась я. Меня наконец-то приняли, и я чувствовала себя на седьмом небе.

– Тот, кто добежит последним, тухлое яйцо, – крикнула Дебби.

Мы помчались через школьный двор. Прохладный сентябрьский воздух холодил щеки, под ногами хрустели осенние листья. Я чувствовала себя свободной. Мне было хорошо.

– Ты победила, Келли, – в унисон крикнули мы с Дебби, переводя дыхание.

Щеки у нас болели от смеха. Келли и Дебби были самыми популярными девчонками в шестом классе. То, что со всеми меня познакомили именно они, повышало мои шансы.

Морган-Хиллз напоминала английскую школу для мальчиков. Спортивный зал находился в дальнем конце, за школьным садом. Столовая – впечатляющее каменное здание со сводчатым потолком, как в соборе, и витражами – располагалась посередине. Северное крыло, где учились шестиклассники, было самым большим из трех школьных зданий. Хотя его много раз перестраивали, оно все равно казалось каким-то серым, словно под свежей штукатуркой прятались годы разложения.

В Северном крыле все было по-спартански. Коридоры выкрашены голубой краской, вдоль стен темно-синие шкафчики. Стены классов – ярко-белые. Я почувствовала себя неловко, словно оказалась не в школе, а в больнице.

Возле класса мистера Уоррена болтали ученики. Увидев нас с Дебби и Келли, они пошли нам навстречу. Меня сразу же засыпали вопросами. «Ты новенькая? Откуда ты перевелась? А спортом ты занимаешься? Где живешь? Хочешь сесть с нами за обедом?» Новые одноклассники окружили меня, стали представляться. Я не могла запомнить все имена – у меня голова кружилась.

– Привет, я Питер, – сказал симпатичный парень со светло-русыми волосами и дружелюбным взглядом зеленых глаз. – Тебе понравится наша школа. Здесь классно!

– Рада познакомиться.

Питер мне сразу понравился.

– А я Стив. Келли говорит, что тебе нравится театр. Шестой класс в этом году ставит «Тома Сойера». Ты должна попробоваться на роль, – сообщил парень, стоявший рядом с Питером.

– Да, я люблю театр, – радостно ответила я.

– Джоди, хочу познакомить тебя с моими подругами, – перебила его Келли, и по ее тону я поняла, что меня вводят в ближний круг.

– Привет, – пробормотала я, сглатывая и моргая.

Мне было так нужно, чтобы здесь меня приняли.

Кинув Келли понимающий взгляд, вперед выступила изящная девушка с длинными черными волосами и глубоко посаженными карими глазами. Она представилась Кэт. Кэт показала мне очень уверенной, словно точно знала, кто она и чего хочет от жизни. *Что бы ты ни делала, не давай ей понять, что тебе страшно.*

– Рада познакомиться, – сказала я, стараясь казаться совершенно уверенной.

– Добро пожаловать в Морган-Хиллз. Откуда ты перешла? – Лицо у Кэт оставалось бесстрастным, словно цемент.

– Из школы Святого Вознесения.

– А, католическая школа. Тебе там не нравилось? Я слышала, что монахини бывают страшными занудами, – Кэт пристально изучала меня, словно определяя, нравлюсь я ей или нет.

– Они нормальные, – я вспомнила сестру Розу и как мне было хорошо и спокойно рядом с ней. – Но, думаю, здесь мне понравится больше.

– Почему бы тебе на первом уроке не сесть рядом со мной и Джекки? – смягчившись, предложила Кэт. – Между нами есть пустой стол. Думаю, мистер Уоррен не будет возражать.

Уверенность моя возросла. Если Кэт меня приняла, значит, первое испытание я прошла.

– Было бы здорово, – с благодарностью кивнула я.

Когда прозвенел звонок, я перезнакомилась уже почти со всеми. Я уселась за стол, и кто-то постучал меня по плечу. Я обернулась посмотреть, кто это. Прямо за мной стояла высокая девушка с вьющимися светлыми волосами. На ней были очки в роговой оправе.

– Я Дара, – надменно объявила она.

– Привет, – я сразу же почувствовала, что иметь ее во врагах не стоит. – Я Джоди Бланко, новенькая.

– Это заметно, – резко ответила Дара, изучая мою реакцию.

– Правда заметно? – Я судорожно придумывала какой-нибудь забавный ответ, чтобы произвести на нее впечатление. – Я выгляжу как бюстгальтер на бульдоге?

Собственное остроумие мне понравилось.

Меня услышал весь класс. Все так и покатались со смеху. Дара не успела ответить, как в класс вошел мистер Уоррен. Он направился прямо ко мне.

– Вижу, ты уже со всеми познакомилась, – усмехнулся он. – Ты, должно быть, Джоди Бланко. Добро пожаловать в наш шестой класс.

– Спасибо, мистер Уоррен.

Когда началась перекичка, Дара сунула мне под столом записку. Я развернула маленькую бумажку. Там было написано: «А ты классная».

Охваченная радостью, я сунула бумажку в сумку. Мне страшно хотелось показать ее родителям, чтобы они поняли: я больше не изгой.

Первые месяцы в Морган-Хиллз прошли быстро и без проблем. Я хорошо училась и отлично ладила со всеми одноклассниками. Меня приняли даже Кэт и Дара. Я по-настоящему подружилась с Келли и Дебби. Мы стали неразлучны. Сплетничали, делились секретами, экспериментировали с макияжем, по выходным ночевали друг у друга и часами болтали по телефону на любимую тему – про мальчиков. Мы с Келли были влюблены в Питера. Дебби нравился Стив.

Многие шестиклассники уже начали влюбляться. Родители и учителя это замечали, но особо не волновались. О чем волноваться, если двенадцатилетки не могут даже машину водить и ходить на свидания в одиночку? Что может случиться? Разве что невинный поцелуй на школьном дворе... Их наивность дорого нам всем обошлась.

Приближалось Рождество. Мама Келли разрешила ей устроить вечеринку для одноклассников. Келли была в восторге. Мы с Дебби часами писали приглашения. Заклеивая конверты, я заметила, что одного имени недостает, и спросила об этом Келли.

– Это все, – ответила она.

– А Дейв?

Стеснительный, неловкий Дейв всегда был одиночкой. Его не дразнили и не высмеивали – на него просто не обращали внимания. В начале недели он слышал, как мы с Дебби обсуждали вечеринку. По дороге в спортивный зал он отозвал меня в сторону.

– Думаешь, меня пригласят? – спросил он.

Наверное, он целый день собирался с духом, чтобы спросить меня.

– Конечно, тебя пригласят! – ответила я.

– Ты шутишь? – воскликнула Келли, возвращая меня в настоящее. – Он же никто.

– Да, но ему же обидно...

– Келли, может быть, Джоди права...

Дебби еще не договорила, но Келли так на нее посмотрела, что та умолкла. Мне стало неприятно. Но я испугалась, что, если буду настаивать, Келли изменит отношение ко мне. Риск был слишком велик. Дейв переживет очередное разочарование, а я не смогу снова стать изгоем.

Я быстро сменила тему, заговорила о нарядах. Дебби и Келли увлеклись разговором, а меня терзало чувство вины. Я только что поступила по отношению к другому человеку так же, как со мной поступали в прошлом. Ситуация с Джо Эллен и Марианной повторилась снова. Правда, сейчас мне было легче. Дейв был нормальным, здоровым парнем. Он мог сам защитить себя. Может быть, понимание самого себя и собственного пути – это часть взросления. Но в глубине души я понимала, что все не так, хотя объяснить это было нелегко.

Когда я была изгоем, я никогда не думала о других, кого тоже отвергало общество. Я не видела дальше собственной боли. Мне никогда не приходило в голову, что когда-нибудь я сама стану источником той же боли. Я начала понимать, что это часть цикла социального выживания. В классе всегда будет козел отпущения, какой-нибудь бедолага вроде Дейва. Нужно перестать строить из себя героиню. «Это вечеринка Келли, – твердо сказала я себе. – Если она не хочет приглашать Дейва, это не моя вина».

К концу недели приглашения стали поступать.

– Сегодня только четверг, – сказал мне Дейв на перемене. – Может быть, мое приглашение придет сегодня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.